

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья ЛИТЕРАТУРА РУС
СКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья Литература русского зарубежья ЛИ
ОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубеж
ЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
АТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРА
О ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература р
ЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ л
УБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья Литература русского зарубежья ЛИТЕРАТУРА РУССКО
ЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья Литература русского зарубежья ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО
РУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ Литература русского зарубежья Литература русского зарубежья Литература русс
О ЗАРУБЕЖЬЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗА
ТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
убежья Литература русского зарубежья
тура русского зарубе
зарубежья ЛИТФ
АРУБЕЖЬЯ ЛИ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ПАВЛИНЫМ ПЕРОМ

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ПАВЛИНЫМ ПЕРОМ

Санкт-Петербург
Издательство
"Logos"
1994

39256

Серия выпускается при участии Лилльского университета
(Франция)

Редактор серии Луи Аллен

Составление, вступительная статья, примечания
Н Грякаловой

Художник В. Корнилов

Р 4702010101 без объявл.
Г73(03)—94

- © Издательство «Logos», 1994
© Н. Грякалова. Состав., вступ. статья, примеч., 1994
© В. Корнилов. Художественное оформление, 1994

ISBN 5-87288-078-5

Очарованный словом

(О А. М. Ремизове и его книге «Павлиньим пером»)

Моя тема: слово и человек.

Алексей Ремизов

Стихия Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) — сказ. Пересказать сказку, сон, апокриф, житие, наконец, свою собственную жизнь — *рас-сказывание* стало смыслом его писательского бытия. Творчество Ремизова — это странствование по русской словесной земле. Неважно, что вдохновило писателя в данный момент: зырянская свадебная заплачка или кельтская легенда, индийская «Панчатантра» или жизнеописания знаменитых шейхов-суфиев, — прислушиваясь к голосам, доносящимся из глубины веков, он перелагал их «по-русски, русскими ладами». «„Лад“ — звучание души народа», — повторял писатель, и «чудесное» виделось ему даже не в словах, а в напевности, в природном ладе живой русской речи. Услышать и пересказать своим словом, своим голосом то, что уже было однажды сказано, а «придут другие люди, другое услышат и скажут другими словами»¹. Отсюда — его любовь к работе «по матерьялам», «по сказанному, вековому откровению», в котором живет народная правда и народная мудрость и в образах которого воссоздается непрерывность человеческого существования на земле. А «чтобы писать по матерьялам, — считал Ремизов, — надо ухо и глаз или будет только пересказ бледный и глухой»².

Восприятие языковой стихии — духа языка — как некой трансцендентности, а сказки (и сказа) как фантазма рождало ощущение живого соприкосновения с «мирами иными». Ведь сказка, рассуждал писатель, складывается по нантию: «Сказочник, как шаман, уходит в другой мир и потом сказывает, что там видел, о своих встречах и о житье-бытье ненашем»³. Писатель верил в запредельность творческого вдохновения и источником сказки считал видение в состоянии одержимости, когда внутреннему взору открывается волшебный мир, мир превращений и чудес, скрытый за покровом реальности. Потому так близки сказка и сон, так проницаемы друг другом. Сон — это знак, поданный из другого мира, это «прорыв» в четвертое измерение пространства. Сон — кладь символического знания о будущем, а для писателя еще и источник мифотворчества. Всю жизнь Ремизов записывал свои сны, считая, что воспоминание снов

¹ Ремизов А. Павлиньи перья. [Предисловие]//Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым. Берлин — Пб. — М., 1923. С. 8.
² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 177.
³ Ремизов А. Предисловие//Кодрянская Н. Сказки. Париж, 1950. С. 12.

«увеличивает чувство жизни» и расширяет пределы реальности. Отсюда, из сна и сказки, «визонерские» рисунки Ремизова. Потрясает глубина его проникновения в сны и образную («лунатическую») память писателя — Гоголя, Тургенева, Достоевского. Такая степень постижения духовной реальности доступна, казалось бы, лишь ясновидящему. А его страсть к каллиграфии, рукописанию... За нею стоит отношение к рукотворному тексту как к сакральному, запечатлевшему Слово — его «первозвук» — в момент рождения и сберегшему душевный трепет писца-медиума, чья рука была ведома высшей творческой силой.

* * *

7 августа 1921 г. писатель навсегда покинул Россию и, после недолгого пребывания в Берлине, «заверовал в Париже», приехав туда 5 ноября 1923 г. Свое бытие писателя-эмигранта Ремизов трагично воспринимал как «расколотое» и в чужом языковом окружении вдруг особенно остро почувствовал свою «русскость». Он не уставал прислушиваться к голосу русской земли, и по-прежнему русский фольклор, древнерусская книжность, писцовые книги XVI—XVII вв. питали его творчество. А если обращался к западноевропейскому эпосу или памятникам Востока, то «озвучивал» их ладом русской речи.

За свою долгую писательскую жизнь Ремизов издал 82 книги, из них 45 — в годы эмиграции. Однако издательская судьба его книг не всегда складывалась удачно. Вышедшая в 1931 г. книга «Образ Николая Чудотворца» (YMCA—PRESS) завершала период относительного издательского благополучия писателя. С этого времени он, по его выражению, «попал раку в клешню»: до 1949 г. издателя для его книжной продукции не находилось. «Мечта о книге» — лейтмотив настроений Ремизова этих лет. В письме от 13 декабря 1946 г. он рассказывает о своей судьбе вынужденного молчальника поэтессе С. Ю. Прегель, начавшей издавать сначала в Нью-Йорке, а затем в Париже журнал «Новоселье», к сотрудничеству в котором она пригласила Ремизова. «1931-й год был моим последним годом: издана была моя последняя книга. И с той поры „на вшивом рынке русской словесности“, выражаясь словами Пушкина, о моих книгах что-то не слышно. Все приготовленное за эти годы к печати запаутилось. И я тычусь над рукописями, не зная, за что приняться. Я уж поставил крест над своим литературным, стал я рисовать картинки с подписями — делать рукописные альбомы»⁴. За эти годы писателем было создано около 400 альбомов⁵, где соединены слово и рисунок и где

⁴ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 38.

⁵ Об этом же Ремизов писал Н. В. Резниковой 21 марта 1954 г.: «...с 1931 по 1949 моих книг вы не найдете. С того года начало моей альбомной кропотли. Рукописными альбомами я продолжаю свое ремесло — 18 лет. Каждый альбом, а я им счет потерял — 400? — мечта о книге» (Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 93).

каллиграф-Ремизов возвращает рукописной книге ее душу, утраченную было в гутенберговскую эпоху.

Наконец, друзья и почитатели творчества Ремизова, сочувствуя упавшему духом писателю, организовали меценатское издательство «Оплешник»⁶. Идея принадлежала матери Наталии Резниковой, О. Е. Колбасиной-Черновой, давней знакомой писателя и искренней поклоннице его дарования. «Кроме воодушевления и пламенного желания, других средств не было, — рассказывал Ремизов. — Но горячее заявление О. Е. Черновой вызвало чудо — книжки стали выходить»⁷. Небольшие гонорары писателя шли на очередное издание, помогали американские друзья — Н. В. и И. В. Кодрянские. Таким образом вышло восемь книг Ремизова, тиражом в 500 экз. По свидетельству Резниковой, «была готова к печати еще одна книга — *Павым пером*, но из-за недостатка средств ее не удалось издать»⁸.

«Павым пером» — один из вариантов названия книги, над которой писатель работал в последние годы жизни, буквально до конца своих дней. Макет книги, подготовленный автором и доработанный В. Б. Сосинским, был передан последним по возвращении из эмиграции вместе с другими ремизовскими материалами в РГАЛИ (Москва)⁹. Окончательное ее название «Павлиньим пером». Образ, давший заглавие книге, много лет жил в творческом сознании писателя. Свое предисловие к «Сказкам русского народа...» (1923) он назвал «Павлиньи перья». Здесь это — метафора русского народного слова. Намного позже, уже в 1947 г. он узнает о существовании персидских «Павлиньих сказок»¹⁰. И тогда образ превратится в символ сказочного слова как такового. Писатель постоянно «играет» образом в поисках наиболее яркой и запоминающейся формы. «Павлинье перо. Девять сказок и татарская» — под таким названием в 1953 г. анонсируется предполагаемое издание сказок, вошедших впоследствии в первую часть книги. «Павлинье перо» — заглавие подборки из четырех монгольских сказок, опубликованной в журнале «Возрождение» в 1955 г. «Павыным пером», «Павым пером»... Наконец, приходит окончательный вариант: «Книга написана павлиньим пером»¹¹.

В этот раз «на словесной дороге» Ремизова ожидали встречи со сказочным миром Востока. «Предлагаемые сказки пишу по материалам: книги — монгольские, санскритские, арабские. Из затаенных веков доносит мне голос, и переговариваю по-русски — русскими ладами», — так

⁶ Смысл названия Ремизов объяснял так: «Оплешник — старое русское, означает «чаровник»: оплетать (оплечник) — очаровывать. А также чаровная заводь, — место чарования, как «оракул». Говорится: «ступай в Оплешник, повстречаешь оплешника» (Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж: Оплешник. 1950. С. 63).

⁷ Резникова Н. В. Огненная память. С. 102.

⁸ Там же. С. 102—103.

⁹ См.: Ремизов А. Павлиньим пером. Сборник сказок. Машинопись, вырезки из газет, ксерокопии с правкой автора и В. Б. Сосинского// РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20 (103 л.) и 21 (106 л.).

¹⁰ См.: Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 69.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 1.

определил характер работы над книгой сам писатель¹². Обработки восточного фольклора составляют содержательное ядро сборника и обрамляют его композиционной рамкой.

В первой части монгольские сказки соседствуют с татарской и нравоучительными историями, восходящими к индийской «Панчатантре» — «пятакнижью житейской мудрости». Во второй, «русской» части представлено жанровое разнообразие бытовавшей на Руси повествовательной прозы: «повесть от жития» («О Петре и Февронии Муромских»), светская повесть с оттенком поучительности («Аполлон Тирский»), ушедшая в народную словесность и ставшая легендой история о царе Аггее, наконец апокрифическое сказание об Аврааме — излюбленный жанр Ремизова, усматривавшего в отреченных, т. е. не признаваемых церковью повестях — апокрифах — «душу народной веры». Третья часть, начинающаяся со «страшных» «Басаркуньих сказок» Подкарпатской Руси, услышанных писателем от известного фольклориста и этнографа П. Г. Богатырева, затем вновь переносит читателя на Восток — в Кабилию (Северная Африка) и Тибет. Героями кабилы и тибетского «сказа» избраны Шакал и Заяц — традиционные персонажи животного эпоса, герой-трикстеры, обманщики, лгуны и хитрецы, чьи бесчисленные проделки составляют сюжетную основу повествования. Завершает эту часть — и всю книгу — раздел «Суфийная мудрость», написанный по материалам, сообщенным востоковедом В. П. Никитиным. Сюда вошли жизнеописания знаменитых суфиев («Рабийя», «Сказание о шейхе Баязиде», «Зун-Нун»), назидательные истории о достопамятных встречах наставника правоверных Хасана Басрийского, персидская версия басни из средневекового арабского памятника «Калила и Димна» «Жельв и утки», эпизоды из жизни магометанского тайновидца Джафара Садэга, изречения западнохалифатского аскета Бишра Босонного. Историко-филологическим и биографическим комментарием к разделу должно было стать написанное В. П. Никитиным «Объяснительное слово к „Суфийной мудрости“» (см. наст. изд., раздел «Приложения»).

Трудно сказать, намеренно или нет, но вся книга Ремизова построена по суфийскому методу рассеивания¹³. Сказки, басни, поучения, жития, диалоги, изречения, сведенные в едином художественном пространстве, постепенно, с помощью многопланового воздействия, создают общую картину. Она же, в свою очередь, и призвана передать тайное «послание» сознанию читателя.

В последней книге писатель осуществил свою давнюю идею: объединить разные фольклорные голоса в едином хоре. Начало этому было положено в 1910-е годы, когда Ремизов обратился к фольклору народов Сибири, Кавказа и Тибета. В одной из автобиографических статей (1923) он изложил суть своего замысла: «Мне пришло на мысль выразить русским голосом — самым в мире свободным и громким по мечте своей — голос народов всего мира,

народов отверженных, «диких», затесненных, обиженных, погибающих и погибших.

¹² РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20.

¹³ См.: Идрис Шах. Суфизм. М., 1994. С. 19—22.

Пусть прозвучит *по-русски* их заветное на всеобщем суде!

Это вроде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах, (...) в «Страшном суде», когда олицетворенные выходят целые страны и народы — «литва», «русь», «арапы» — и говорят о себе — из уст ленточка и надпись на ней:

свое последнее слово»¹⁴.

Ремизов ощущал, что через фольклорно-мифологическую традицию проявляет себя бытие. В сложном фольклорном полилоге переплетается множество голосов и позиций, разные культуры отражаются, как в зеркале, друг в друге, в них проявляется нечто общее — следы мифологического сознания, и общение культур происходит уже на уровне языкового жеста. Несмотря на усилия перевода (или пересказа), всегда остается непередаваемый остаток, сердцевина, национальный аффект. Хор же должен понимать в его первоначальном, античном смысле — как голос, возвышающийся над голосом каждого отдельного участника трагедии. Это голос судьбы, который свидетельствует о самом бытии и в котором улавливается его трепетная жизнь.

В середине 1920-х гг. к русскому писателю, живущему на европейском берегу, Россия обернулась новым своим ликом — «евразийским». Он сближается с парижской группой деятелей евразийского движения: журнал «Версты» (под редакцией Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона; 1926—1928), печатный орган евразийцев, издавался «при ближайшем участии А. Ремизова», как было указано в анонсе, и охотно предоставлял свои страницы писателю. С одним из редакторов журнала, музыковедом Сувчинским, Ремизов был знаком еще по Берлину и дружеские отношения с ним поддерживал до конца жизни. У истоков евразийского движения, вызвавшего интерес литературно-философской общечеловечности, стояли крупные интеллектуальные силы: Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, Д. П. Святополк-Мирский, Сувчинский и др. Суть евразийства — в утверждении нового взгляда на Россию как на самобытную духовную сущность и особый исторический организм. Необозримые пространства трех равнин (Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской), окаймленных горами, и соседство с «тайновидческим» Востоком определили особый духовный и мыслительный склад русского человека, прежде всего его жажду внутренней свободы, душевную широту и открытость, склонность к созерцательности и творческому самовыражению, мистическую одаренность. «Для подвига индивидуального самораскрытия, — писал Г. В. Флоровский, впоследствии радикально разошедшийся с евразийством, — было слишком шумно на «форуме» европейской жизни. Для этого более подходили созерцательные обители православного Востока и девственные степи, и дремучие леса Русской равнины; здесь, действительно, мог человек чувствовать себя наедине с Богом»¹⁵.

¹⁴ См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гувевском институте. Paris, 1983. С. 184.

¹⁵ Флоровский Г. В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов. Публ. С. С. Хоружего//Начала, 1991, № 3. С. 35.

Ремизов сочувствовал евразийскому «исходу к Востоку». Можно допустить, что его не отпугивал и один из основных «идеологических» тезисов евразийцев: признание свершившейся революции как исторической судьбы России. Хотя дальнейшая политизация течения, лишившая движение симпатии и поддержки интеллигенции, не могла не оттолкнуть от него и Ремизова, человека, крайне далекого от идеологии и охотно включавшегося в любые «игры», кроме политических. То, что в евразийстве стало предметом теоретизирования и отлилось в форму дефиниций, писателю-мифотворцу открывалось в творческом наитии и интуитивном знании. Не надо забывать, что писательская молодость Ремизова прошла в символистском окружении, где вынашивался «миф о России» — духовной субстанции, «женственной стихии», которая, преображенная божественным Логосом, сыграет providencialную роль в судьбах мира. Не это ли мистериальное событие — построение Града Божьего — пророчески угадано Ремизовым в книге «Звенигород Окликанный» (1923), в разделе, посвященном картинам Н. К. Рериха? Неудивительно поэтому, что в возобновившемся споре о ценностном приоритете между Востоком и Западом Ремизов был на стороне тех, кто отдавал предпочтение Востоку — России, хранительнице духовного опыта, завещанного веками, и пафоса высокого нравственного деяния.

Возможно, в кругу евразийцев Ремизов познакомился с человеком, которому суждено было стать вдохновителем последнего творческого замысла писателя и неустанным помощником в его осуществлении.

* * *

Мемуаристы, повествующие о работе Ремизова над последней книгой, сообщают о его интересе к суфизму. Близкий друг и ученица писателя Н. Кюдрянская пишет: «В 1956 году Алексей Михайлович (...) работал над суфийской мудростью. Из этого материала зазвучат на русские лады сказки (...) Материалы А. М. доставал и переводил с арабского и персидского его долголетний друг и сосед ориенталист В. П. Никитин»¹⁶.

Имя В. П. Никитина постоянно встречается на страницах автобиографической прозы Ремизова 1940—1950-х годов, он хорошо известен как персонаж «Мышкиной дудочки» — «бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир обезвельволпала»¹⁷. Однако факты его реальной биографии известны в значительно меньшей степени. Пора представить читателю этого незаурядного человека.

Василий Петрович Никитин, известный ученый-ориенталист, профессор Школы восточных языков в Париже, родился 1 января 1885 г. в Сосновце (Польша). По его собственному признанию, он рано увлекся Вос-

¹⁶ Кюдрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 112. См. также: Резникова Н. Огненная память. С. 142.

¹⁷ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953. С. 158. «Эмир» — «титул» Никитина в Обезьяньей Великой и Вольной Палате, шуточном обществе, придуманном Ремизовым еще в 1908 г. Сам он был неизменным «канцеляриусом» Палаты.

током и рано сделал профессиональный выбор: в 1904 г. стал студентом Лазаревского института восточных языков в Москве¹⁸. С 1915 г. Никитин — на дипломатической службе, являясь секретарем генерального консульства России в Персии. В июле 1919 г. он переезжает в Париж, навсегда связав свою жизнь с Францией. Сфера востоковедных интересов Никитина — Иран, его история, культура, литература. Большую известность принесли Никитину его исследования, посвященные курдам. В центре обобщающего труда ученого «Les Kurdes. Etude sociologique et historique» (Paris, 1956)¹⁹ — проблемы происхождения этого народа, его религиозные верования, лингвистические и социально-этнографические аспекты курдологии. В 1924 г. Никитин был избран членом Азиатского общества в Париже, в 1933 г. — иностранным членом Польского ориенталистического общества. Как признанный научный авторитет он входил в редколлегию ряда востоковедческих изданий, являлся членом Международного антропологического института, действительным членом Международной дипломатической академии. Скончался ученый в 1960 г.

В 1920-е гг. Никитин примкнул к евразийству, и его имя можно было встретить на страницах евразийских периодических изданий. О своих настроениях этого времени он писал в автобиографических заметках: «Я охвачен евразийскими пространствами (...) Среди моих немногочисленных русских сочинений мое любимое — «Иран, Турция и Россия», сочинение, в котором я подчеркиваю евразийские черты нашего национального характера: турецкая кочевническая простота, богоискательство. И моя статья „Ритмы Евразии“»²⁰.

Судьба окончательно свела ученого и писателя, когда в 1935 г. Ремизов с женой, С. П. Ремизовой-Довгелло, переехали на свою последнюю парижскую квартиру на улице Буало, 7, где их соседом по дому оказался Никитин. Со временем он входит в ближайшее окружение писателя, более того, каждое свое посещение он со свойственной ему скрупулезностью фиксирует в записях, составивших своеобразную хронику — «ремизовиану». «С 1943 по 1953 я регулярно вел записи моих посещений у А. М. Ремизова, — отмечал Никитин в 1956 году. — Эта Remizoviana за 10 лет, находится в Нью-Йоркском архиве эмиграции²¹. Болезни, как А. М., так и мои, нарушили установившийся за долгие годы порядок наших отношений. Я перестал бывать ежедневно (...) Теперь как будто опять налаживается возможность встречаться по-прежнему и вести записи о наших беседах»²². Эти многолетние записи — неоценимый биографический материал для изучения окружения Ремизова в годы его парижской эмиграции, свидетельство его человеческих симпатий и творческих пристрастий. «Ремизовиану» дополняют воспоминания Никитина «Кукушкина (Памяти

¹⁸ См.: Nikitine V. Mes reminiscences polono-orientales (Notes bibliographiques)//Folia orientalis. Krakow, 1960. Т. II. Ф. 1—2. С. 153—176.

¹⁹ См. рус. пер.: Никитин В. Курды. Пер. с фр. М., 1964.

²⁰ Nikitine V. Mes reminiscences... С. 175.

²¹ Имеется в виду Бахметьевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк).

²² Никитин В. Remizoviana 1956//ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 1. В ИРЛИ хранятся записи за 1954, 1956 и 1957 годы.

А. М. Ремизова» (см. наст. изд., раздел «Приложения»). Мемуары воссоздают бытовую сторону жизни Ремизова. Но эта сторона неотделима от его писательского бытия и от той игровой стихии, в которой он жил и творил. Тип жизненного поведения, избранный в соответствии с созданным самим писателем образом сказочника, чудака, он не изменил и в годы эмиграции. Где бы он ни жил — в Петербурге, Берлине или Париже — он сохранял сказочно-игровой антураж своего бытия. «Кукушкина» — комната, давшая название воспоминаниям Никитина, стала местом, где Ремизов прожил больше 20 лет, где были написаны его последние книги и где он закончил свои дни на земле.

Никитин стал вдохновителем и неперемным участником «восточных бесед», проходивших на квартире Ремизова в знаменитой Кукушкиной комнате по четвергам. (Вечер четверга — на Востоке традиционное время рассказывания историй). Знаток Ближнего Востока, эрудит, умелый рассказчик, он заражал присутствующих своей увлеченностью. Н. Резникова писала Никитину (отсутзовавшему некоторое время из-за болезни) 1 октября 1954 г.: «Я была у А. М. вчера — без Вас наши четверги пусты и унылы, и мы ждем не дождемся восстановления традиции — четвергов с путешествиями на Восток и в века»²³.

Ремизов был душевно привязан к Никитину. «Дорогой Василий Петрович! — обращался он к нему в письме от 11 сентября 1954 г. — Все жду вас. Без вас пусто в Кукушкиной. И спросить некого. И рассказать некому» (см. наст. изд., раздел «Приложения»). Для него Никитин — высший авторитет в области этимологии, которая всегда была притягательна для писателя с его пристальным вниманием к слову и его историческим корням. Постоянно интересуясь этимологией своей фамилии и создавая вокруг нее мифопоэтический ореол, Ремизов учитывал в своей «игре» и возможные восточные ассоциации. Об этом — в одной из его автобиографических книг: «Из колыдок меня заняли древнейшие песни: и по времени и по имени: о ремезе-птице. Есть таинственная птичка и имя не простое: по-арабски „ремз“ — тайна»²⁴. Памятники персидской и арабской литературы и фольклора, исторические реалии, имена — Никитин был рад дать консультацию, комментарий, найти объяснение, принести нужные книги.

Проникновенные страницы — гимн дружбе — посвятил писатель Никитину в своей книге «Мышкина дудочка». Характерно, что Ремизов раскрывает перед читателем не только привлекательные черты личности ученого, но и свои «восточнические» пристрастия. «Я люблю Восток, — пишет Ремизов в главе «Оракул», — а Персию особенно: мое пристрастие к каллиграфии — «Тысяча и одна ночь» — Огонь — Заратустра — Мани (<...>). В Казани в мечетях меня принимали за своего и я обряжался в туфли, как правоверный, с тибетскими ламами я не чувствовал себя «иностраницем» (<...>). Мое восточное соединяет меня с нашим востоковедом «эми-

²³ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 18. Ср. также письмо Резниковой тому же адресату от 5 сентября 1955 г.: «Я надеюсь застать Вас и А. М. здоровыми — надеюсь на продолжение наших мирных и содержательных восточных бесед» (там же).

²⁴ Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 333.

ром» Василием Петровичем Никитиным, кудесником нашего Оракула и чернокнижником (Черными книгами весь его подвал забит)²⁵. Жил «Эмир» на 4-м (<...>) а теперь на 8-м, выше некуда. В светлые ночи, после трудов, любителю он на Париж, вышпывая любимые стихи Мохамеда Икбала²⁶, из Лагора:

Долина любви очень далека, дорога длинная, но свершение столетнего пути в одном вздохе мгновенно. В поисках трудись и не выпускай из рук полы надежды, богатство там, ты обретешь его в конце пути мгновенно.

(<...>) Его называют марид — «дух отречения и изгнания», возможно, что он и есть «марид», но только добрый из маридов — «инфид» (<...>) Он знает мое пристрастие к словам и чудесному — к тому, что не бывает, а только живет в человеческом желании — к легендам, сказкам, вымыслам. Из каждого нашего свидания я всегда что-нибудь получаю чудесное и всегда жду персидской субботы»²⁷.

Никитин стал для Ремизова незаменимым помощником в работе над памятниками Востока, которые все настойчивее влекли к себе писателя. В 1950 г. в издательстве «Оплетник» вышла его книга «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (см. наст. изд., раздел «Приложения»), созданная на основе древнерусского памятника «Стефанит и Ихнелат» в редакции XVII в.²⁸ Восходит он к индийским («Панчатантра») и арабским («Калила и Димна») источникам. Сохранились свидетельства самих участников творческого союза. Своими впечатлениями о «восточных беседах» Ремизов делился с Кодрянской: «Никитин рассказывал о Панчатантре (перевод с французского). Рассказывают два шакала о зверях»²⁹. Никитин, в свою очередь, сообщал итальянскому слависту Э. Ло Гатто о ремизовских «штудиях»: «Он всегда очень интересовался Востоком, благодаря чему мы смогли вместе изучить некоторые рассказы XVII столетия восточного происхождения, хотя они проникли в Россию западным путем — польским и чешским»³⁰. Никитин ведет речь о работе над сборником XVII в. «История семи мудрецов» (арабский ее прототип — «Книга Синбада»), который стал неиссякаемым источником заимствований для развивавшейся европейской новеллистики. Из нее и была извлечена повесть, сохранившая, по словам Ремизова, ее последнего «переписчика», «память о зверях-людях и о человеке-звере»³¹.

Повесть Ремизова — не простой пересказ источника. В ней сложно переплетаются времена, личное и общечеловеческое, сказочное и автобио-

²⁵ «Черные книги» — эзотерические тексты, в которых изложена религиозная доктрина незидов — курдской мистической секты.

²⁶ Икбал Мухаммад (1873 или 1877—1938) — индопакистанский поэт, философ, писал на урду и персидском языке.

²⁷ Ремизов А. Мышкина дудочка. С. 69, 70.

²⁸ См.: Лурье Я. С. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат» // Русская литература. 1966. № 4.

²⁹ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 69.

³⁰ Письмо от 8 мая 1953 г. на фр. яз. // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 14.

³¹ Ремизов А. Предисловие // Кодрянская Н. Сказки. С. 11.

графическое... Внимание писателя сосредоточено на излюбленном им «переходе» — на этот раз между «зверем» и «человеком». Сам писатель так интерпретировал свой замысел: «Старинная русская повесть для меня не только пересказ, а выражение моих чувств, содержание повести для меня материал. Повесть о двух зверях — Стефанит и Ихнелат. О зверях, среди зверей. Явление таких, которые получают название „человек“ <...> Я и Стефанит, я и Ихнелат — человек. Сказочное никогда не связано с местом и временем, — я беру место и время, что мне ближе по моему чувству: Париж, война, алерт (тревога). События шестого века, а у меня двадцатого...»³².

Никитин знакомил писателя с образцами арабской поэзии разных веков, с суфийской лирикой, с персоязычной прозой, в том числе и современной. Все это находило отклик в душе писателя и запечатлевалось в творческой памяти. В знак многолетней дружбы и общности интересов Ремизов получил в подарок книгу Никитина о курдах — плод его углубленных занятий Ближним Востоком — с надписью: «Мы часто беседовали о Востоке, эта книга о том же — от любящих Вас Л. Л. и В. П. Н(икитиных)»³³.

* * *

Всю жизнь Ремизов размышлял о природе художественного творчества и его первоосновах. Как писателя его влекли и были переживаемы им самим те особые состояния сознания, когда смутно различимы сон и явь, вымысел и реальность, когда грани между ними становятся зыбкими и взаимопроницаемыми. Достижение такого сумеречного состояния и пребывание в нем — необходимый момент творческого процесса. «Я люблю все, что не „реально“»³⁴, — признавался Ремизов. Еще на заре своего писательского бытия, в 1903 г., он высказал заветную мысль, ставшую его символом веры: «...нужно высвободиться из-под налетающей пыли житейских впечатлений: И! — такие песни услышим, не „завянут уши“. Тогда и жизнь сама явится в ином виде — другим лицом»³⁵. Отсюда и призыв его: «Записывайте свои сны. „Страшного“, „страшного“ побольше», — и его собственные многолетние записи снов, легшие в основу неизданной книги «Мерлог». В ней он объясняет мотивы своего обращения к сфере бессознательного. «„Реальная“ жизнь, — пишет Ремизов, — ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство „свободы“ и сейчас обнаруживаются чудеса „совместности“ и „одновременности“ дей-

³² Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 113.

³³ Текст приведен в записи Никитина от 20 января 1957 г. (Никитин В. Remizoviana 1956. Л. 24). Жена Никитина — Лаура Леандровна.

³⁴ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 96.

³⁵ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подготовка текста и комментарии А. д'Амелиа//Europa Orientalis. IV. 1985. S. 162.

ствия, невысказанные в дневном состоянии»³⁶. Не здесь ли истоки своеобразной «философии творчества» Ремизова, ключ к пониманию его *письма*?

Одаренный чуткостью к сказке и сну, мистическим чувствованием и провидением, писатель каким-то внутренним зовом был побуждаем обратить свой взор к Востоку — родине духовного знания, обители вдохновенных пророков и посвященных. «Глаз на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований)»³⁷. О своей способности к мысленному перевоплощению, о «вживании» в образную реальность Ремизов написал вдохновенные строки в «соннике» «Мартын Задека»: «О смерти Авраама я читал в апокрифах и мне приснился Авраам, вознесенный на небеса <...> По моему жаркому чувству, я как бы находился эту минуту с Авраамом <...> Та же острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в «воинстве» Сатанаила, в <...> крестный час смерти Христа <...> я провожал Петра, когда пропел петух и раскаяние выжгло мои следы <...> Я с Николаем прошел всю русскую землю и путями друидов от Нанси до Нанта»³⁸. Вот какие встречи были уготованы писателю во время его «странствий» в веках! Интересно, что ремизовский дар «ясновидения» Никитин сопоставлял с мистическим опытом мусульманских духовидцев — суфиев.

Можно с уверенностью сказать, что интерес к суфийской мудрости возник у Ремизова не только благодаря «удачному» соседству его, писателя-сказочника, «кудесника», «мага», и ученого-ориенталиста. Элементы суфийской теософии совпадали с собственными духовными и творческими устремлениями и интуициями писателя. Помните его внимание к «пограничным» психологическим состояниям, к потаенным законам сна и памяти, к передаче интуитивного опыта в слове, к «чудесному»?

Путь мистического познания Истины в суфизме предполагает высвобождение внутренних сил души, благодаря чему возникает особое видение реальности «глазом сердца» и ощущение его «чувством ума»³⁹. Следующая стадия мистического опыта — теофания, узрение Бога. В этом состоянии суфия называли человеком с двойным зрением, ибо ему открывалась, с одной стороны, абсолютная сущность, с другой — безграничное разнообразие явлений. Душа, превосходя пределы, отведенные ей человеческим существованием, объемлет собой всю вселенную и переживает экстатический восторг в созерцании красоты и милосердия Бога. И, наконец, — мистическое озарение («хал»), чаемое единение с Истиной, когда отброшено все бренное и человек соединяется с Вечным.

Человеку, идущему по суфийскому пути, раскрывается возможность познать себя, познать единство всего сущего, разорвать завесу, отделяющую личность от Истины, и пережить блаженство ее обретения. Неудивительно, что суфизм влек к себе людей искусства и обогатил мировую культуру высочайшими образцами философской и любовной поэзии. Ме-

³⁶ Ibid. S. 188.

³⁷ Ремизов А. Неизданный «Мерлог». Публ. А. д'Амелиа//Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. № 3. С. 229.

³⁸ Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954. С. 95.

³⁹ См.: Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987; Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. М., 1989.

тафизическая суфийская лирика запечатлела движение человеческого ума от познанного к непознанному, показала, что никакая реальность не исчерпывается ее внешними проявлениями, что мир воображения есть ступень для дальнейшего восхождения духа. На изощренном языке символов велся разговор о трансцендентном — о непосредственном усмотрении божественной сущности, о богатстве интуитивного знания, о блаженстве самозабвения и достижении подлинного бытия.

Пересказ «на русский лад» восточных сказок и назидательных историй, осуществленный Ремизовым в книге «Павлиньим пером», не имеет ничего общего со стилизацией. Обращение к Востоку и постижение новых культурных миров открывало перед Ремизовым новый простор для осмысления природы художественного творчества, и именно в том направлении, которое он избрал в молодости и которого последовательно придерживался на протяжении своего долгого пути художника. Ведь создаваемая им «субъективная реальность» всегда возникает на «переходе» между разными сферами сознания (рациональное и иррациональное), разными типами художественного творчества (фольклор и литература). Писатель интересовался «следами» прошлого в современности, языковой и культурной „напряженностью“ между различными традициями (Восток и Запад). И теперь, обратившись к духовному наследию Востока, он продолжал поиски — те поиски, которые определили его писательскую оригинальность, — глубинных оснований для диалога разных культур — в данном случае Востока и Запада — и находил такую объединяющую основу в фольклорно-мифологическом и религиозно-мистическом сознании.

Н. Грякалова